

нужась къ кровати, онъ ее и схватилъ; и какъ она не перекидывалась и рыбой, и шукой, онъ ее не выпускалъ; ну, она и осталась. Ну, тутъ они стали жить да поживать; а няньку съ дочерью царь велѣлъ къ лошадиному хвосту привязать, а шурина своего министромъ сдѣлать.

ЗАХАРЪ БЕЗЧАСТНЫЙ.

Вотъ въ одномъ селѣ былъ у вдовы сынъ (Захаромъ его звали) да такой несчастливый, что его всѣ на деревнѣ и звали Захаромъ безчастнымъ. Куда не пойдетъ онъ за грибами ли, за ягодами ли, всѣ товарищи полные кушины наберутъ, а у Захара нѣтъ ничего. Пойдутъ ли рыбу ловить; всѣ рыбу ловятъ, а у него нѣтъ ничего да и все тутъ. Такъ мать билась, билась съ нимъ; не знаетъ что и дѣлать.

Вотъ зашли къ нимъ одинъ разъ ночевать портные; одинъ и говоритъ: «отдай, matka, мнѣ сына въ науку!» Захаръ и не хотѣлъ и плакалъ, потому портной тотъ былъ сердитый, ну да мать его отдала. Тотъ его и взялъ съ собой. Жилъ этотъ портной одинъ. Одинъ разъ и говоритъ портной Захару: «поди ты, поставь мнѣ пленку и поймай, что попадется, на ужинъ!» Вотъ Захаръ и думаетъ: ну, что мнѣ попадется?—Однако пошелъ, пленку поставилъ. Вотъ и попался туда зайчикъ. Захаръ и хочетъ его заколоть, а зайчикъ и говоритъ человѣческимъ голосомъ: «не коли меня, Захаръ; я тебѣ дамъ угодые.» Ну и далъ ему шапку-невидимку. Захаръ и пошелъ.

Приходить къ хозяину, ничего не принесъ. Хозяинъ разсердился, хотѣлъ его прибить. Но онъ надѣлъ шапку—невидимку и невидно его. Ну, хозяинъ и пересталъ сердиться. На другой день хозяинъ и говоритъ ему: «вотъ тебѣ лукъ и стрѣлы; поди ты, застрѣли мнѣ птицу!»—Ну, Захаръ

вздѣлъ, пошелъ; подходитъ и видитъ: сидитъ на деревѣ птица. Онъ и хотѣлъ въ нее стрѣлять, а она ему и говоритъ: «не стрѣлай меня, Захаръ; я тебѣ угоды дамъ.» Вотъ тебѣ дудочка; какъ заиграешь, всё пойдутъ плясать. И дала ему дудочку. Вотъ онъ пришелъ домой; хозяинъ сталъ его бранить, онъ заигралъ на дудочкѣ, хозяинъ и ну плясать, да и остановиться не можетъ; ужъ Захара умолилъ: «перестань, любезный!»

Ну, потомъ послалъ хозяинъ Захара къ своему другу волку-бѣсу просить скрипку изъ буковаго лѣсу. Ну, и пришелъ онъ къ волку—бѣсу, тотъ и говоритъ ему: «скрипку-то я тебѣ дамъ, да ты мнѣ за это долженъ заработать!»—Да какъ?—«А вотъ какъ: ты долженъ не спать три года и вязать сѣти.» Захаръ согласился. Ну вотъ сидитъ онъ мѣсяцъ и вяжетъ сѣти; только начала клонить его дремота. Волкъ и спрашиваетъ: «спишь, Захаръ?»—Нѣтъ, не сплю, а думу думаю. Какую же ты думу думаешь?—«А какой рыбы въ рѣкѣ больше: крупной или мелкой?»—Погоди; я схожу, узнаю.—Ну, и пошелъ; мѣсяца три или четыре ходилъ, считалъ; а Захаръ между тѣмъ выспался. Волкъ приходитъ: онъ ужъ опять за работой сидитъ. — «Ну, Захаръ! вѣдь, крупной-то рыбы больше.»—Ну, ладно.

Сидятъ они опять долгое время; Захаръ опять спать захотѣлъ, дремлетъ. Волкъ и говоритъ: «ты спишь, Захаръ?»—Нѣтъ, думу думаю.—«Какую же?»—А вотъ какую: какихъ людей на свѣтѣ больше, живыхъ или мертвыхъ?—«Постой, я сосчитаю!»—Опять тѣмъ же порядкомъ Захаръ выспался, волкъ приходитъ, говоритъ: живыхъ людей больше.—«Ладно!»

Опять Захару спать захотѣлось; онъ дремлетъ. Волкъ и говоритъ: «ты спишь, Захаръ?»—Нѣтъ, не сплю; а думу думаю: какого звѣря больше: крупнаго или мелкаго?—Волкъ сосчиталъ и говоритъ, что крупнаго; а Захаръ ужъ выс-

пался. Такимъ манеромъ прослужилъ онъ три года, взявъ скрипку и принесъ ее портному.

Ну, тотъ и говоритъ: «теперь, Захаръ, поди ты отслужи мнѣ послѣднюю службу; тогда я тебя домой отпущу!» Пошелъ Захаръ рыбу ловить; попалась ему щука и говоритъ: «отпусти меня, Захаръ; я тебѣ угоды дамъ: чего ты у кого ни попросишь, все тебѣ дадутъ.»—Хорошо, говоритъ; и выпустилъ ее. Приходитъ онъ къ хозяину; тотъ только хотѣлъ его бранить, а онъ и попросился домой. Портной его сейчасъ и отпустилъ. Пришелъ онъ въ свою деревню заигралъ на дудкѣ, всѣ и заплясали, до усталы плясали... Зажилъ онъ хорошо. Что ему нужно, попросить, всего ему даютъ...

(Изъ Тамбовской губерніи).

117.

МУЖИЧЕНКО СЪ КУЛАЧЕНКО.

Насѣялъ мужикъ пшеницы; только всякую ночь кто-то ее вытаптываетъ. Послалъ онъ сперва старшаго сына караулить, тотъ не караулилъ; на другую ночь послалъ средняго, средній не караулилъ. На третью ночь послалъ онъ дурака. Тотъ взялъ дубинку и пошелъ караулить. Вотъ въ полночь онъ и видитъ: кто-то пригналъ табунъ лошадей; и начали онѣ топтать пшеницу. И видитъ дуракъ, что гонять лошадей эдакой маленькій мужиченко. Онъ его и схватилъ; тотъ и говоритъ дураку: «дуракъ!пусти меня: я тебѣ три угоды дамъ.»—Не надо мнѣ, говоритъ, ничего; вотъ я тебя къ батюшкѣ представлю.—Пошелъ, принесъ къ отцу.

Только мужикъ сейчасъ же взялъ его да царю и отнесъ. Тотъ ему сколько денегъ дамъ выкупу, а самъ посадилъ мужиченко-съ-кулаченко въ золотую клетку и повѣсилъ его въ садъ. А самъ повѣстилъ всѣмъ своимъ знакомымъ, и народу повѣстилъ: «собирайтесь смотреть на эдакую штуку!»—